

Максимкин орден

У меня случайно сохранилась одна фронтовая газета. В газете был помещён портрет мальчугана с орденом Красной Звезды на груди. Под фотографией всего лишь четыре строчки: «Пионер Максим Попков пустил под откос фашистский эшелон с танками и солдатами. За этот подвиг награждён орденом».

Это сообщение заинтересовало меня. «Интересно, где он теперь? — подумал я.— Жив ли он, нет ли?»

Я написал о Максимке рассказ и послал в «Пионерскую зорьку».

Вечером зазвонил телефон.

-Это вы написали рассказ о Максиме Попкове? — послышался басовитый голос в трубке.

-Да,— ответил я.— А вы кто?

-Я и есть тот самый партизан. Зовут меня Максим Фёдорович.

Вскоре ко мне приехал широкоплечий капитан Советской Армии в форме танкиста. Это и был тот самый партизан Максимка, о котором рассказывается в этой книге.

В ДЕРЕВНЮ ПРИШЛИ ФАШИСТЫ...

Всё время, пока за деревней шёл бой, Максимка сидел в холодном погребе вместе со своей матерью и маленькой сестрёнкой. Иногда снаряд разрывался во дворе, рядом с Погребом, и за ворот Максимки сыпался песок.

Наступил вечер и снова ночь. А там, наверху, как вчера, бухают пушки, трещат пулемёты и рокочут танки. Идёт бой. Хорошо, что в погребе оказались морковь и миска творогу. Иначе трое суток без пищи не выдержать.

Ночью вдруг всё стихло. Кто-то протопал по двору. Закудахтала курица, замычал телёнок.

-Грабят! — тихо сказала Максимкина мать.

-Это по какому праву? Я им...— Максимка схватил тяжёлую глиняную черепушку и хотел вылезти из погреба и трахнуть по голове грабителя, но мать удержала его.

4

-Куда ты? Убьют! Это же фашисты...

Заплакала маленькая Анюта. Ей страшно и холодно, она дрожит, не спит. Застучал зубами и Максимка.

-Ты чего дрожишь? — спросила мать.

-М... м... мёрзну очень.

— Ну вылезай, да смотри осторожно. Пальтишко захвати Анюте.

Максимка вылез из погреба. Тепло. Из-за макушек деревьев выглядывает луна, пахнет дымом. Кругом тишина. Лишь где-то далеко-далеко за Псёлом строчат пулемёты.

На том месте, где за деревней шёл бой, тлеют костры что-то чёрное, большое, стоит, как дом. Максимка присмотрелся: подбитый танк.

Озираясь по сторонам, подошёл к разбитому окну и заглянул в хату. Всё, как было. Встал на завалинку, дотянулся рукой до лежанки и взял стёганое одеяло. Хотел отнести в погреб, но мать сама вышла и сказала:

-Давай, пойду укрою Анюту, а ты походи вокруг. Может, отец где...

Мать не досказала, но Максимка понял её. Отец где-то воюет, и мать ничего о нём не знает.

Во двор заглянула соседка. Увидев Максимку, она поманила его рукой:

-Идём, там, говорят, раненых много... Одной страшно.

-А фашисты где? — спросил Максимка.

-Ушли через мост, туда,— соседка указала рукой на восток.— А ты чего же тёлку не спрятал? Увели германцы. И кур ваших переловили...

Вместе с соседкой Максимка пошёл в овраг. Там уже ходили люди, разыскивали раненых.

Возле подбитого танка, из которого ещё шёл едкий дым столпилось несколько человек.

-Гляди-ка, стонет...

-Командир. Ох, как его... Обгорел.

Раненого танкиста унесли в деревню.

Среди каких-то ящиков и глыб земли Максимка увидел разбросанные винтовки и автоматы. Поднял сначала одну, потом вторую винтовку, перекинул через плечо два автомата. Посмотрел вокруг: никого. Прибежал в сад и, озираясь по сторонам, закопал их. Может, пригодятся.

За ночь колхозники подобрали раненых и похоронили погибших.

А утром в деревню ворвались фашистские мотоциклисты. Они стреляли из автоматов в собак, выбивали в домах окна, ловили кур и гусей.

Дом, в котором был спрятан раненый танкист, фашисты спалили. Перепуганные жители стали разбегаться кто куда. Максимкина мать с Анютой — снова в погреб.

А Максимка схватил кусок хлеба да бежать, а куда, и сам не знает. Была за огородом яма, заросшая глухой крапивой и репейником, он нырнул в неё. Вдруг сильная рука схватила его за ворот ру-бахи. Перед глазами блеснула сталь револьвера.

-Ух, хлопец, напугал ты меня...

-А вы зачем тут?—удивился Максимка, узнав районного партийного работника Сень.

-Тс! Тихо.— Сень спрятал в карман оружие.— Хорошо здесь. Прохладно, мятой пахнет, вот и отдыхаю...

-Как маленького обманываете,— обиделся Максимка.

-Ну, а коль не маленький, помалкивай.

Едва зашло солнце за лес, как Сень вылез из ямы, пополз меж грядок к ивовым кустам и скрылся.

Максимка тоже вылез из ямы и пошёл во двор. В деревне было тихо и пусто.

Открыв дверь, Максимка увидел плачущую мать. Маленькая Анюта сидела возле ухватов и грызла угли. Перепачкалась. Глупенькая, ещё ничего не понимает.

Жизнь при оккупантах стала невыносимой. Они заставляли людей рыть окопы, били плётками, молодёжь угоняли в Германию. А уж из хат тащили всё, что увидят. Но фашисты, однако, побаивались кого-то. Всюду часовых расставили.

Увидят старика или подростка —орут:

-Ты есть партизан! Арестовать!

Возьмут просто так, ни за что, и арестуют.

Однажды в хату пришёл незнакомый человек.

-Послушай, Максим, а куда ты спрятал автоматы?

-Ничего не знаю.

— Узнают немцы — не сдобровать.

-Сказал — я ничего не знаю...

-А может, перепрячем подальше?

-Вот что,— сказала Максимкина мать,— вы мальчика в партизанские дела не впутывайте. Рано ему. Да и сам будь осторожен. Ходишь среди бела дня...

Человек ушёл. Заковылял по улице, опираясь

«Где они, эти партизаны? — думал Максим.— Да и пустит ли мать, если попроситься к ним... А может уговорить её? Ведь не маленький я,— тринадцать годов»

К ПАРТИЗАНАМ

Перекинул Максимка через плечо верёвку и пошёл в лес. На опушке встретил Кабаниху. Так деревенские ребята прозвали злую женщину, известную бездельницу и торговку семечками. Теперь она самогон приловчилась варить да немецких солдат подпаивать. У неё фашисты не увели корову.

-Куда путь держишь? — рявкнула Кабаниха.

-Тёлку ищу,— ответил Максимка,— не встречала?

-Не хитри, тёлку твою Гитлер сожрал. Говори, куда идёшь?

— Наша тёлка умная. Она сбежала от немцев...

-У, непутёвый. От горшка два вершка, а хитрости, как у старика. Гляди, как бы тебе германец!..

-Тьфу мне на твоих пьянчуг. Не боюсь!

Кабаниха подняла на плечи вязанку хвороста, заворчала и пошла к деревне.

Максимка углубился в самую чащобу. Он останавливался в зарослях, прислушивался и нюхал лесной воздух: не пахнет ли партизанской махорочкой. Максимка хорошо знал лес и не боялся заблудиться. То и дело находил белые грибы и шептал:

-Надо же, когда ищешь, не находишь, а теперь зачем они мне?

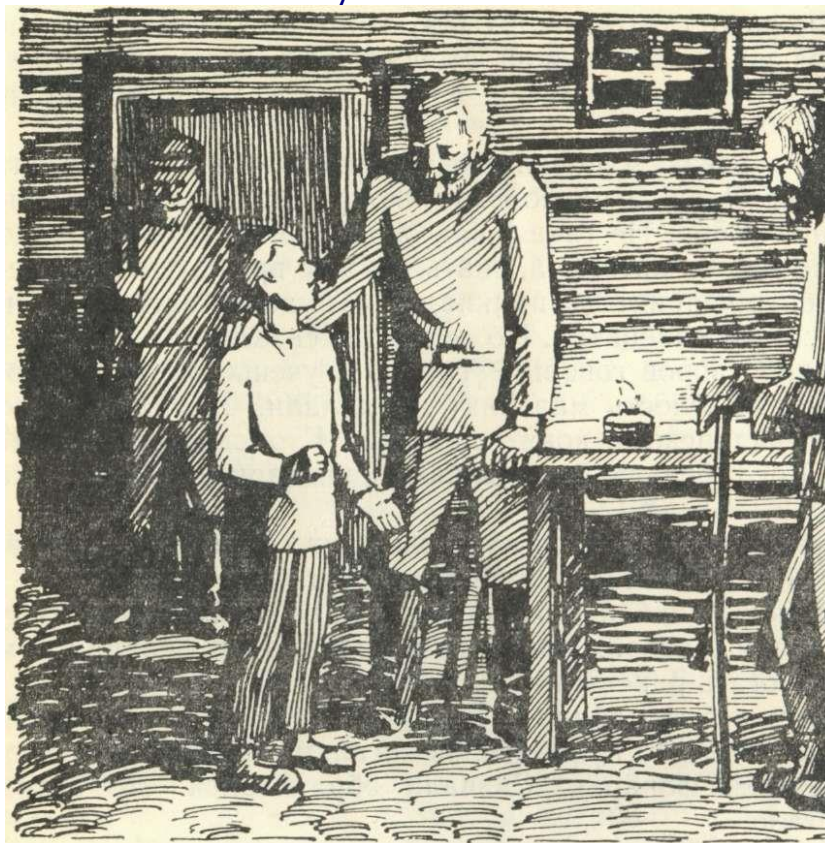
Возле заросшего камышом лесного озера Максимка встретил стадо кабанов.

Сначала испугался, на дерево вскарабкался. Но кабаны, заметив его, сами трусили и, попискивая, как маленькие поросята, пустились наутёк.

Незаметно наступил вечер. В лесу стало темнеть, а Максимка не нашёл никаких признаков партизанского жилья. Да и какое оно, неизвестно. «Может, партизан-то и нет в лесу?» — подумал Максимка.

Вдруг кто-то сзади навалился на него и хрипловатый голос послышался над ухом:

-Ты что тут вынюхиваешь? Разведчик?
-Я ищу...— хотел Максимка сказать, что ищет партизан, но осекся, прикусил язык.
-Кого ищешь? Отвечай!
-Тёлку. Вот верёвочка...
-Идём,— приказал человек и подтолкнул мальчика в спину.
Так с завязанными глазами и привели Максимку в партизанскую землянку.
Тускло светит коптилка. За столом знакомый человек.
-Товарищ Сень!—обрадовался Максимка.— А я вас разыскиваю... Возьмите меня к себе.
-Куда я тебя возьму? У меня же не детский сад.
-Если примете в отряд, я вам автоматы дам, которые припрятал.
-Парень он большой. Пионер. Может, возьмём? — сказал тот дядя, который приходил за автоматами. Максимка узнал его.

-А как ты нашёл нас? — спросил командир.
-Нюх у меня собачий,— ответил Максим,— пахнет в лесу. Вот я шёл туда, где махорочкой припахивает.
-Ладно, оставайся. Но не хныкать в случае чего...Ясно?

МАКСИМ В ОТРЯДЕ

Максимка думал, что как только примут его в партизаны, так сразу же дадут пулемёт, и он начнёт косить н захватчиков, как чапаевская Анка. Но оказалось, не просто стать настоящим партизанским бойцом.

Почти каждую ночь партизаны отправляются в поход. Дождь, ветер, дороги нет, лицо царапают ветки, а партизаны всё идут и идут. Идёт и Максимка, несёт пулемётные ленты и винтовку раненого бойца.

Ночные походы утомительны. Максимка валится с ног. Он уже давно не знает, в какой стороне дом, далеко ли до деревни. Лес высокий, дремучий. Кто-то сказал, что это Брянский лес.

Уйдут партизаны на задание, а Максимка на посту стоит возле штаба. Одежда плохонькая, ветер так и гуляет за спиной. А днём учёба. Не такая, как в школе, а боевая. Надо уметь стрелять из автомата, знать оружие врага, умело переползть, бить неприятеля прикладом. Трудно Максимке. Он в отряде самый маленький. Но командир сказал:

— Как Суворов говорил? Трудно в ученье, легко в бою!

Скидки на юность мальчику не делали. Наоборот. Кто чистит командирского коня? Максим. Кто связной штаба? Максим. Кого больше заставляют кашеварить? Опять же Максимку.

Но мальчишке хочется воевать. Идут в разведку партизаны, он чуть не плачет. Почему его не берут?

Когда пошли в бой против немецких карателей, Максимку тоже не взяли с собой.

Приказали дежурить в медицинском пункте, помогать раненым.

Максимке было обидно. Возвратились партизаны, принесли автоматы, два пулемёта, зажигалки. Максимке из трофеев достался фонарик. Сначала обрадовался. Но потом стыдно стало.

-Зачем мне чужие трофеи,— сказал Максимка и отдал фонарик повару.— Тебе пригодится. Ночью в котёл заглядывать будешь.

Партизанский отряд увеличивался с каждым днём, мало неприятностей приносили партизаны врагу. То разрушат мост, то уничтожат штаб, то освободят наших пленных. Им ни холод, ни темнота не помеха.

Однажды ночью партизаны вступили в бой с немецкими войсками, идущими к фронту. Бой шёл до рассвета. Партизаны напали внезапно. Враг, зажатый в клещи, сначала сопротивлялся отчаянно, а потом стал удирать. Вдруг через лежащих в снегу бойцов перескочила вороная лошадь с маленьким всадником в седле и помчалась к лесу. Было ещё темно, и никто не узнал Максимку.

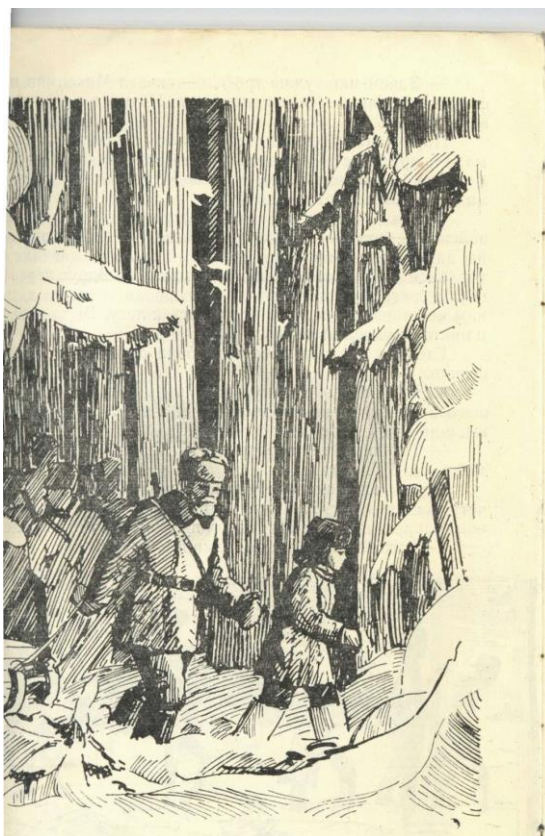
Где-то у опушки леса застрочил автомат, и потом всё стихло.

Через несколько минут партизаны увидели возвращающегося всадника на вороном коне, а впереди, опустив головы, шли три здоровенных фашиста.

-Принимайте пленных,— услышали партизаны звонкий голос Максима.

Через год Максимке выдали оружие: ему исполнилось четырнадцать лет. Правда, росточком он был маловат. Сам командир отряда сказал однажды, хитровато улыбаясь:

-Я тоже в своё время годки прибавлял себе.

ПОДВИГ

Заскрипели, качаясь, корабельные сосны, зашумел лес. Стало темно, как под чёрным одеялом. Вовсю разыгралась вьюга. Но и сквозь её завывание слышно было, как где-то далеко стреляли пушки. Звуки доносились, как удары тяжёлого молота о мёрзлую землю: бух, бух, бух. Мороз такой, что деревья трещат, но в землянке жарко. Железная печка накалилась докрасна.

Максимка, раскинув руки, сладко спит на соломенном тюфяке. Вместо подушки — рваная шубёнка, а рядом — автомат.

В полночь в землянку вошёл дядя Миша — бородач, партизанский минёр. Он присел на край нар. Долго смотрел на Максимку, покачивая головой.

Дверь приоткрылась, и в землянку заглянул командир.

— Ну, «дед», чего мешкать? Пора! — тихо сказал он.

-Не охота мне будить его. Спит крепко.

Максимка сам проснулся. Потёр кулаками глаза, улыбнулся, догадался, что неспроста в землянке «дед» — минёр. Такой, как он, специалист — один на весь отряд.

-Что, на боевое задание?

-Да, Максимка, на боевое,— ответил дядя Миша.— Одевайся потеплее.

Дядя Миша объяснил Максимке, что он должен делать.

-К фронту идёт эшелон с танками и боеприпасами. Мы должны пустить под откос этот эшелон. Остальное расскажу на месте. Ленточку сними. Оружие оставь в землянке. Ясно?

-Ясно,— ответил Максимка.

Долго шли партизаны сосновым бором. Впереди Максимка. Лишь он один мог видеть ночью. Конечно, не так уж хорошо, но лучше, чем взрослые. Сзади — дядя Миша и ещё человек десять. Дядя Миша сам вёз на санках взрывчатку. Так бывало в особо важных случаях.

Наконец бор кончился. На опушке не так темно, как в лесу. Но ветер злее. Валит с ног, забирается под рубашку. Максимка раза три терял в сугробе правый валенок, потому что валенки были разные: один — матери, другой — отца. Отцовский большой, поэтому то и дело соскакивает.

-Зачем же ты босой ногой на снег? Я подам. Держись за шею,— дядя Миша запускает руку в сугроб и достаёт большой подшитый валенок, высыпает из него снег и помогает Максимке засунуть ногу.— Вот возвратимся, носки тебе свои подарю. Шерстяные.

Подошли к мосту и притаились недалеко от него в кустах.

-Так вот, Максимушка,— сказал дядя Миша,— мы будем сидеть тут. Ты повезёшь санки со взрывчаткой. Как заедешь на мост, бросай их между рельсов. Мы так рассчитаем, что поезд будет как бы нагонять тебя сзади. Ты скорее беги и ложись за насыпь. Ну, а там всё свершится, как надо. А в случае чего — мы часового снимем из снайперской.

Максимка молча кивал головой. Ему было всё понятно. Ловко придумали партизаны.

-А если впереди поезда пройдёт дрезина,— шептал «дед»,— ты её пропусти. Они ведь наших людей иногда заставляют ехать впереди на дрезине. Боятся мин. Ясно?

-Понял,— ответил Максимка.— Но как я всё это увижу? Ведь темно.

-В том-то и дело, что эшелон будет идти на рассвете. А если бы ночью, то зачем нам твоя помощь? А так немец подумает, что везёшь топку... Дровишек мы сейчас тебе положим.

Рассвет наступил незаметно. Где-то далеко послышался паровозный свисток. Дядя Миша то и дело поглядывал на часы.

-Ну, пора!

Максимка нахлобучил рваный треух и повёз санки по заснеженной дороге вдоль насыпи, шагая навстречу колючему ветру. Идёт и думает: «Ну как часовой трахнет из автомата в меня?» И мысленно слышит басовитый голос дяди Миши: «А ты не трусь, сынок, я его держу на мушке. Как поднимет автомат фашист, так и капут ему». А всё же страшно. Вот он, немецкий солдат, рядом. Так и кажется, что он подойдет, пнёт ногой санки, и всё пропало...

Но часовой даже носа не высунул из тулупа: подумаешь, карапуз с санками. Мало их из села за дровами в лес ходят...

Максим даже не знал, в какой стороне его деревня!

Вот он уже поравнялся с часовым. Хочется идти быстрее, а ноги ни с места, как во сне. Самого то в жар бросит, то в холод, и в глазах всё темнеет. Вместо одного кажется два часовых и оба здоровенные, как каланчи. Санки вдруг стали лёгкими, и Максимке кажется, что динамит свалился... Он оглянулся. Сзади показался длинный, пытящий эшелон. Максимка пошёл быстрее, раскачиваясь, как гусь. Страх прошёл. Часовой уже позади. Не поймёт Максимка, отчего в ногах отдаются удары: от своего сердца или колёс поезда, который приближается к мосту.

Остановился. Пора или не пора?..Убегать или рано?

Немец машет, чтобы мальчишка быстрее проходил по мосту...

И Максимка, будто очень испугался, бросил санки между рельсов и бежать...

Бежит, а, кажется, всё на одном месте...

А немец сзади веселится: га-га, га-га!.. Смешно ему потому, что Максимка снял валенок и бежал, спотыкаясь, с насыпи. А может, часовой предвкушал удовольствие от того, как хрустнут дровишки под колёсами тяжёлого состава.

Раздался сухой щелчок. «Не в меня ли?» — Максимка оглянулся и увидел, как гитлеровец, задрав ноги, кубарем летел с моста.

Максимка пустился бежать пуще прежнего. И едва он бросился с насыпи и покатился колом, вздрогнула земля, и раздался взрыв. А мальчишка всё катился и видел то голубое небо, то снег, то чёрный столб дыма и падающие сверху обломки вагонов. Как гром, гремели танки и вагоны, падающие с моста. Максимка вылез из сугроба, сел на снег, прислушался. Тишина. Лишь в ушах звенят колокольчики. А на том месте, где был мост, всё стояло, но теперь уже не чёрный, а седой столб дыма. Максимке показалось, что где-то идёт поезд: тук, тук, тук, тук! Тук, тук, тук, тук! Прислушался — это сердце стучит.

— Максимка! — услышал он знакомый голос дяди Миши. — Тикай в лес! Да сапог, сапог не потеряй!

...За этот подвиг юный партизан Максим Попков был награждён орденом Красной Звезды.

Почти два года партизанил юный мститель. Потом, когда пришла регулярная армия, ушёл добровольцем в гвардейский стрелковый полк, а после войны закончил танковое училище и стал кадровым офицером.

Остался в живых и товарищ Сень. Он руководит крупным колхозом на Украине. Вот так вместе со взрослыми сражались с врагом в годы войны и дети.

